

A romantic evening scene featuring a woman with long, wavy brown hair and blue eyes, wearing a black off-the-shoulder top. She is looking towards the camera with a soft expression. In the background, there is a city skyline at sunset or sunrise, with warm orange and pink hues. To the left, there are red roses in a vase and lit candles, creating a cozy and intimate atmosphere. The overall mood is sensual and romantic.

— МИРА ЛИНЧ —

Двадцать
ОТТЕНКОВ
ЖЕЛАНИЯ

Мира Линч

Двадцать оттенков желания

«Литнет»

2026

Линч М.

Двадцать оттенков желания / М. Линч — «Литнет», 2026

Двадцать женщин. Двадцать историй. Двадцать встреч, способных изменить всё. Они разные — сильные и осторожные, дерзкие и мечтательные, привыкшие доверять разуму или давно заперевшие сердце на замок. Но у каждой однажды появляется человек, рядом с которым привычные правила перестают работать. Случайная встреча, тайное свидание, поцелуй в полночь, вторые шансы и желания, о которых страшно признаться даже себе...

© Линч М., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Аделина. Вкус запретного желания	5
Глава 2. Виолетта. Поцелуй в полночь.	11
Глава 3. Скарлетт. Игра без правил	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Глава 1. Аделина. Вкус запретного желания

Дождь барабанил по стеклу с настойчивостью, которая раздражала Аделину больше, чем следовало. Она сидела в углу маленького кафе на набережной, машинально помешивая остывший капучино и глядя, как капли стекают по мутному стеклу, превращая вечерний город в размытую акварель. Пятничный вечер должен был стать вечером отдыха — редкая роскошь в её расписании, где каждый час был расписан на месяцы вперёд. Но вместо расслабления она чувствовала только нарастающее раздражение от того, что позволила Алисе уговорить себя прийти сюда.

«Тебе нужно чаще выходить, — сказала подруга, вручая ей адрес этого заведения. — Ты превращаешься в свою работу, Аделина. В конце концов, тебе тридцать четыре, а не пятьдесят».

Аделина сделала ещё глоток остывшего кофе и поморщилась. Она не превращалась в работу — она была работой. Управление архитектурным бюро, которое она создала с нуля, требовало полной отдачи, и она отдавала всё, потому что это был её выбор. Осознанный, выверенный, правильный. Как и всё в её жизни.

Телефон завибрировал на столе — сообщение от Алисы: «Ну как? Уже нашла кого-нибудь интересного?»

Аделина не ответила. Вместо этого она подняла взгляд и обвела взглядом полупустой зал. Несколько пар за столиками, бармен, протирающий стаканы, пожилая женщина с книгой у окна. Ничего, что стоило бы её внимания. Ничего, что могло бы...

Дверь открылась, и в кафе вошёл мужчина.

Аделина не сразу его узнала. Прошло почти двенадцать лет с тех пор, как она видела его в последний раз — на выпускном вечере архитектурного факультета, где он стоял в толпе выпускников, высокий, темноволосый, с той же самой ленивой улыбкой, которая когда-то сводила с ума половину курса. Максим Верещагин. Тот самый Максим Верещагин, который был лучшим на потоке, который уехал в Москву сразу после защиты диплома, который... который однажды, на третьем курсе, поцеловал её на задней лестнице корпуса, а потом сделал вид, что ничего не произошло.

Он не заметил её. Прошёл к бару, стряхивая с плеч мокрую куртку, заказал что-то у бармена. Аделина смотрела на его спину — широкие плечи, тёмные волосы, чуть длиннее, чем она помнила, — и чувствовала, как где-то в глубине живота медленно разворачивается что-то тёплое и опасное. То самое чувство, которое она так старательно подавляла все эти годы. Чувство, которое не поддавалось логике, не вписывалось в расписание, не подчинялось правилам.

Она могла бы уйти. Просто встать, оставить деньги на столе, выскользнуть в дождь и никогда больше не думать об этом. Это было бы разумно. Это было бы в её стиле.

Вместо этого Аделина подняла руку и помахала ему.

Максим обернулся. Секунду он смотрел на неё с вежливым недоумением, потом его глаза расширились, и улыбка — та самая, ленивая и опасная, — медленно растянула его губы.

— Аделина? — Он подошёл к её столику, и она вдруг остро осознала, как выглядит: строгий костюм, гладко зачёсанные волосы, ни грамма макияжа сверх необходимого. Всё правильно. Всё контролируемо. — Аделина Ковалёва. Вот это встреча.

— Максим. — Она кивнула, жестом приглашая его сесть. — Ты в Питере?

— Приехал на неделю по делам. — Он опустил на стул напротив, и Аделина уловила запах его одеколона — что-то древесное, с лёгкой горчинкой. — А ты... ты выглядишь потрясающе. Как всегда.

— Спасибо. — Она не улыбнулась в ответ, просто приняла комплимент так же, как принимала комплименты от клиентов — вежливо и без эмоций. — Ты надолго?

— Как получится. — Максим откинулся на спинку стула, и она заметила, как он рассматривает её — не нагло, но внимательно, словно пытаясь прочесть что-то между строк. — Ты всё такая же. Собранная. Идеальная. Ни волоска не выбивается.

— Это плохо?

— Это интересно. — Он улыбнулся, и в уголках его глаз собрались морщинки. — Помнишь третий курс? Задняя лестница?

Аделина почувствовала, как кровь приливает к щекам. Двенадцать лет. Двенадцать лет она не думала об этом — или убеждала себя, что не думала. И вот теперь он сидит напротив, и этот момент снова всплывает на поверхность, как пузырь воздуха из глубины.

— Смутно, — соврала она.

— Врёшь. — Максим наклонился вперёд, опираясь локтями на стол. — Ты покраснела. Ты никогда не краснела, Аделина. Даже когда защищала диплом и комиссия задавала тебе вопросы, на которые не было ответов.

— Тогда, возможно, ты просто не замечал.

— Я замечал всё. — Его голос стал тише, и от этого тихого тона у неё по спине пробежал холодок. — Всегда замечал.

Они просидели в кафе ещё час. Говорили ни о чём и обо всём: о работе, о городах, о людях, которых знали когда-то. Максим рассказывал о Москве, о своих проектах, о том, как устал от вечной гонки. Аделина слушала и чувствовала, как стены, которые она так старательно выстраивала вокруг себя, начинают давать трещины. Он смотрел на неё так, словно видел не успешного архитектора, не руководителя, не женщину-скалу, а ту девчонку с третьего курса, которая когда-то позволила себе на пять минут потерять контроль.

— Пойдём, — сказал он вдруг, когда бармен начал гасить свет. — Я знаю одно место.

— Какое?

— Не спрашивай. Просто доверься.

Довериться. Это слово прозвучало как вызов. Аделина никогда никому не доверялась — ни в работе, ни в отношениях, ни в жизни. Она доверяла только себе и своим решениям, потому что так было безопаснее. Так было правильно.

Но сейчас, глядя в его тёмные глаза, она почему-то вспомнила, как двенадцать лет назад он точно так же смотрел на неё на той лестнице, и как её сердце билось тогда — быстро и неровно, как никогда больше не билось.

— Хорошо, — сказала она, и это слово прозвучало как признание.

Он привёл её в старый дворик на Петроградской стороне — тот самый Питер, который не показывают туристам, с облупившейся штукатуркой, чугунными перилами и аркой, ведущей в маленький сад с фонтаном, который не работал. Дождь закончился, оставив после себя влажный воздух и запах мокрой листвы.

— Здесь когда-то жила моя бабушка, — сказал Максим, прислоняясь к стене дома. — Я приезжал сюда каждое лето. Сидел на этом фонтане и мечтал о чём-то большом.

— И о чём ты мечтал?

— О свободе. — Он посмотрел на неё. — О том, чтобы делать то, что хочу, а не то, что должен. А ты?

Аделина молчала. Она стояла в двух шагах от него, чувствуя, как влажный воздух липнет к коже, как ночная прохлада пробирается под тонкую ткань блузки. Она думала о том, что её жизнь — это череда правильных решений, которые привели её туда, где она есть. Успех, признание, стабильность. И пустота. Та самая пустота, которую она заполняла работой, потому что боялась признаться себе, что ей чего-то не хватает.

— Я мечтала о том же, — сказала она наконец. — Но потом решила, что свобода — это когда ты сам выбираешь свои ограничения.

— Красиво. — Максим усмехнулся. — Но неправда.

— Почему неправда?

— Потому что ты стоишь здесь, в этом дворе, в полночь, с мужчиной, которого не видела двенадцать лет. Это не похоже на выбор ограничений, Аделина. Это похоже на то, что ты устала быть идеальной.

Он сделал шаг вперёд. Она не отступила.

— Я не устала.

— Устала. — Ещё шаг. Теперь между ними было не больше полуметра. — Я вижу это по твоим глазам. Ты хочешь чего-то, чего сама себе запрещаешь. Хочешь быть не идеальной, а настоящей.

— Ты ничего обо мне не знаешь.

— Знаю. — Его рука коснулась её щеки — легко, почти невесомо. — Ты боишься, что если позволишь себе хоть раз сделать что-то не по плану, всё рухнет. Работа, репутация, жизнь. Ты держишь всё под контролем, потому что не веришь, что сможешь справиться с хаосом.

Аделина закрыла глаза. Его пальцы были тёплыми, и от этого прикосновения по её телу разливалась дрожь — та самая, которую она так долго подавляла. Она хотела сказать ему, что он ошибается. Что она не боится хаоса, потому что давно научилась его структурировать. Что её жизнь — это не клетка, а крепость, которую она построила сама.

Но вместо этого она привстала на цыпочки и поцеловала его.

Это был не тот поцелуй, что двенадцать лет назад — неуверенный, торопливый, украденный. Этот поцелуй был другим: медленным, глубоким, исследующим. Максим обхватил её лицо ладонями, и она почувствовала, как его язык скользит по её губам, спрашивая разрешения, и как её тело отвечает раньше, чем разум успевает вмешаться. Её руки сами собой легли ему на грудь, чувствуя сквозь ткань рубашки тепло его кожи и ритм сердца — быстрый, неровный, живой.

— Пойдём ко мне, — прошептал он, отстраняясь на мгновение. — Или скажи, что нам нужно остановиться, и я остановлюсь.

Аделина открыла глаза. В его взгляде не было ни игры, ни давления — только вопрос. Настоящий вопрос, ответ на который зависел только от неё.

— Пойдём, — сказала она.

Его номер в отеле был небольшим, но уютным: тёмные шторы, мягкий свет торшера, запах свежего белья. Аделина стояла посреди комнаты, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, и наблюдала, как Максим закрывает дверь. Щелчок замка прозвучал как точка невозврата.

— Ты дрожишь, — сказал он, подходя.

— Я не дрожу.

— Дрожишь. — Он провёл пальцами по её руке, от плеча до запястья, и она действительно почувствовала, как мелкая дрожь пробегает по коже. — Это нормально. Бояться нормально.

— Я не боюсь.

— Аделина. — Он улыбнулся, и в этой улыбке было столько тепла, что у неё перехватило дыхание. — Ты можешь врать кому угодно. Но не мне. Не сейчас.

Он начал расстёгивать её блузку — медленно, пуговицу за пуговицей, словно давая ей время передумать. Аделина стояла неподвижно, чувствуя, как прохладный воздух касается кожи, как его пальцы скользят по её ключицам, по изгибу груди, по животу. Когда блузка упала на пол, он отступил на шаг и посмотрел на неё — долгим, внимательным взглядом, от которого у неё запылали щёки.

— Ты красивая, — сказал он просто. — Всегда была.

— Ты тоже, — ответила она, и это прозвучало глупо, по-детски, но Максим только рассмеялся — тихо, мягко, без тени насмешки.

— Я скучал по тебе. Странно, да? Мы ведь даже не были вместе.

— Не были, — согласилась она.

— Но я думал о тебе. Все эти годы. Иногда. — Он шагнул ближе, и его руки легли ей на талию. — Думал о том, что было бы, если бы я тогда не уехал. Если бы остался. Если бы сказал тебе то, что должен был сказать.

— Что?

— Что ты была самой интересной девушкой на курсе. Самой умной. Самой... — Он замолчал, подбирая слово. — Самой настоящей. Даже когда пряталась за своей идеальностью.

Аделина почувствовала, как к горлу подкатывает комок. Она не плакала — не умела, разучилась давно, — но что-то в груди сжалось и задрожало. Она положила ладони ему на грудь и толкнула — легко, но настойчиво.

— Замолчи, — сказала она. — Просто... замолчи.

Он замолчал. И поцеловал её снова — на этот раз глубже, требовательнее, и она ответила, чувствуя, как его руки скользят по её спине, расстёгивая бюстгальтер, как его пальцы касаются её кожи, оставляя за собой дорожки огня. Она стянула с него рубашку, провела ладонями по его груди, по плечам, чувствуя под пальцами мышцы, напряжённые и тёплые. Он был красивым — по-другому, чем двенадцать лет назад: жёстче, взрослее, с парой шрамов и морщинками в уголках глаз. Но руки помнили его — помнили, даже если она запрещала себе помнить.

Они опустились на кровать, и Аделина закрыла глаза, позволяя себе просто чувствовать. Его губы на своей шее, на ключицах, на груди — медленные, исследующие поцелуи, от которых по телу расходились волны тепла. Его рука скользнула вниз, к поясу её брюк, и она выгнулась, когда его пальцы коснулись её через ткань — там, где уже всё горело и пульсировало.

— Можно? — спросил он, и она кивнула, не открывая глаз.

Брюки упали на пол, следом — бельё. Максим отстранился, и она почувствовала, как прохладный воздух касается её кожи, как он смотрит на неё — всю, без прикрас, без защиты. Это было страшнее, чем она ожидала. Но и освобождающе.

— Ты уверена? — спросил он.

— Да.

Он снова наклонился к ней, и его губы прошли дорожку от её груди к животу, к бёдрам. Она вздрогнула, когда его язык коснулся её клитора — легонько, дразняще, — и её пальцы вцепились в простыню. Он двигался медленно, размеренно, словно изучал её тело, запоминал каждую реакцию, каждое движение. Аделина кусала губы, чтобы не стонать слишком громко, но это было бесполезно — с каждым движением его языка из её горла вырывались тихие, прерывистые вздохи, которые она не могла контролировать.

— Не сдерживайся, — прошептал он, поднимая голову. — Здесь нас никто не слышит.

И она перестала сдерживаться. Она позволила себе стонать, выгибаться, запустить пальцы в его волосы и прижимать его голову ближе. Волна удовольствия нарастала внутри — медленно, но неумолимо, — и когда она наконец накрыла её, Аделина вскрикнула, чувствуя, как всё её тело содрогается от освобождения.

Максим поднялся, вытирая губы тыльной стороной ладони. Его глаза были тёмными, почти чёрными, и в них горело что-то, отчего у неё перехватило дыхание.

— Теперь ты, — прошептала она, садясь на кровати.

Она расстегнула его джинсы, и когда он освободился от одежды, она увидела его — напряжённого, готового, — и почувствовала, как внутри снова разгорается желание. Она опустилась перед ним на колени, и Максим застонал, когда её губы сомкнулись вокруг его члена. Она двигалась медленно, дразняще, чувствуя, как он пульсирует у неё во рту, как его пальцы

запутываются в её волосах. Это была власть — та самая, которую она всегда любила, но по-другому: не контроль, а отдача. Она давала ему удовольствие и получала его сама, чувствуя, как его дыхание учащается, как он шепчет её имя — тихо, хрипло, словно молитву.

— Аделина... — Он отстранил её, тяжело дыша. — Иди сюда.

Он уложил её на кровать, и когда он вошёл в неё — медленно, осторожно, — она почувствовала, как всё её тело сжимается вокруг него, как волна удовольствия накатывает снова. Они двигались вместе, в одном ритме, и с каждым толчком она чувствовала, как стены, которые она так долго выстраивала, рушатся одна за другой. Его губы были на её губах, на шее, на груди, и она отвечала ему тем же — поцелуями, укусами, тихими стонами, которые больше не пыталась сдерживать.

Когда оргазм накрыл её во второй раз, она вскрикнула, вцепившись в его плечи, и почувствовала, как он напрягся следом, изливаясь в неё с глухим стоном. Они замерли так — соединённые, вспотевшие, тяжело дышащие, — и Аделина вдруг поняла, что не хочет, чтобы этот момент заканчивался.

Они лежали рядом, глядя в потолок. Дождь снова начался — тихий, убаюкивающий, — и его стук по стеклу казался почти нежным.

— О чём ты думаешь? — спросил Максим, поворачиваясь к ней.

— О том, что я никогда так не делала, — честно ответила Аделина.

— Как?

— Не контролировала. — Она повернула голову и посмотрела на него. — Всю жизнь я всё контролировала. Каждое решение, каждый шаг, каждое слово. А сейчас... я просто позволила себе быть.

— И как ощущения?

— Страшно. — Она улыбнулась — впервые за вечер по-настоящему. — И хорошо.

Максим взял её руку и поднёс к губам, касаясь поцелуем костяшек пальцев.

— Знаешь, что я понял за эти годы? — сказал он тихо. — Контроль — это иллюзия. Мы можем планировать что угодно, но жизнь всё равно делает по-своему. Единственное, что мы можем выбрать, — это не бояться того, что она нам предлагает.

— Ты поэтому приехал в Питер?

— Я приехал, потому что устал бежать от того, чего хочу. — Он посмотрел ей в глаза. — И потому что надеялся тебя встретить.

Аделина молчала. Слова были слишком большими, слишком тяжёлыми для одного вечера. Но где-то в глубине души она чувствовала, что это не конец, а начало — начало чего-то, что она не могла и не хотела контролировать.

— Останься, — сказал он.

— Я никуда не ухожу, — ответила она.

И это была правда. Впервые за долгое время она не думала о завтрашнем дне, о расписании, о планах. Она просто была здесь, в этой комнате, с этим мужчиной, и позволяла себе чувствовать. Вкус запретного желания оказался сладким — слаще, чем она могла себе представить.

Утром Аделина проснулась от того, что солнечный свет пробивался сквозь шторы. Максим спал рядом, и она долго смотрела на его лицо — расслабленное, спокойное, моложе, чем днём. Потом встала, надела его рубашку и подошла к окну. Город просыпался, и дождь закончился, оставив после себя чистый, прозрачный воздух.

Она думала о том, что сегодня понедельник. Что у неё встреча в десять, а потом ещё три звонка и два проекта, которые нужно закончить к концу недели. Что её жизнь — это череда обязательств, которые она сама на себя взвалила.

Но почему-то сейчас это не казалось таким важным.

— Ты рано встала, — раздался голос за спиной.

Аделина обернулась. Максим сидел на кровати, растрёпанный, сонный, и улыбался ей так, словно они делали это каждое утро.

— Привычка.

— Плохая привычка. — Он поднялся и подошёл к ней, обнимая со спины. — Тебе нужно научиться спать до обеда. Или хотя бы до десяти.

— У меня встреча в десять.

— Отмени.

— Не могу.

— Можешь. — Он развернул её к себе. — Просто скажи «не могу» и останься. Один день. Со мной.

Аделина смотрела в его глаза и чувствовала, как внутри неё борются две силы: одна — та, что привыкла всё контролировать, планировать, держать под контролем; другая — та, что проснулась прошлой ночью и не хотела засыпать снова.

— Один день, — сказала она наконец.

Максим улыбнулся и поцеловал её — медленно, нежно, как будто у них было всё время мира.

И в этот момент Аделина поняла, что, возможно, так оно и было.

Глава 2. Виолетта. Поцелуй в полночь.

Виолетта приехала в этот город на три дня — ровно столько, сколько длился архитектурный форум, на который её отправила редакция. Она не любила командировки: чужие города всегда казались ей декорациями к чужой жизни, где она была статисткой без роли и реплик. Но этот город оказался другим. Он встретил её запахом моря, смешанным с запахом кофе и старой брусчатки, и Виолетта поймала себя на мысли, что впервые за долгое время ей не хочется спешить.

Форум закончился в пятницу вечером. Коллеги разъехались по домам, а она осталась — ещё на одну ночь, потому что рейс перенесли, потому что устала, потому что где-то в глубине души хотела задержаться в этом городе чуть дольше, чем было нужно. Она сняла маленькую комнату в старом отеле на набережной, с балконом, выходящим на море, и окном, которое не закрывалось до конца — створка скрипела, и ночной ветер проникал в комнату, принося с собой солёную влагу и шум прибоя.

В субботу она пошла гулять без цели. Бродила по узким улочкам, заходила в маленькие галереи, пила вино в баре, где бармен говорил по-английски с акцентом, который она не могла определить. Вечером оказалась на пирсе — длинном, уходящем далеко в море, с фонарями, которые гасли один за другим, пока не остался только один, в самом конце.

Там он и стоял.

Виолетта заметила его издали: тёмный силуэт на фоне ночного неба, руки в карманах, взгляд устремлён в горизонт. Она могла бы развернуться и уйти — пирс был длинным, а она была не из тех, кто ищет компаньона. Но что-то в его позе — расслабленной, но внимательной, как у человека, который умеет быть один и не страдать от этого, — заставило её остаться.

Она подошла ближе. Он не обернулся.

— Красиво, — сказала Виолетта, останавливаясь в паре метров от него.

Он повернул голову. Лицо в полутьме было трудно разглядеть — только глаза, тёмные и спокойные, и линия подбородка, резкая и чёткая.

— Да, — ответил он. — Я прихожу сюда каждый вечер, когда бываю в этом городе.

— Часто бываете?

— Раз в год. Может, реже. — Он снова посмотрел на море. — А вы?

— Впервые. И, наверное, в последний раз.

— Почему?

— Потому что я не люблю возвращаться туда, где уже была. — Виолетта облокотилась на перила рядом с ним. — Каждый город должен оставаться в памяти таким, каким ты его увидел в первый раз.

Он усмехнулся — коротко, беззвучно.

— Философский подход.

— Просто честный.

Они стояли молча. Ветер усилился, принося с собой брызги, и Виолетта поёжилась — тонкая куртка не спасала от прохлады. Она уже собиралась уходить, когда он вдруг сказал:

— У меня есть вино. В машине. Если хотите согреться.

Она посмотрела на него. Незнакомец на пустом пирсе, ночью, в чужом городе. Все инстинкты кричали «нет», но что-то другое — то, что жило глубже инстинктов, — говорило «да».

— А вы всегда предлагаете незнакомкам вино на пирсе?

— Впервые. — Он улыбнулся, и в этой улыбке было столько открытости, что Виолетта невольно улыбнулась в ответ. — Но, кажется, сегодня вечер исключений.

Они сидели в его машине — старой, потрёпанной, с кожаными сиденьями, которые помнили много поездок, — и пили красное вино из пластиковых стаканчиков. Он рассказывал о городах, в которых бывал, о работе, которая заносила его в самые неожиданные места, о том, что не любит оставаться где-то дольше, чем на месяц. Она слушала и понимала, что не хочет знать его имени. Имя сделало бы его реальным, а реальность разрушила бы волшебство этой ночи.

— Давайте не будем спрашивать друг друга о прошлом, — сказала она вдруг. — Ни имён, ни профессий, ни того, откуда мы. Просто... эта ночь. И всё.

Он помолчал, swirling вино в стаканчике.

— А если я захочу узнать вас лучше?

— Тогда вам придётся довольствоваться тем, что есть. — Виолетта отпила глоток. — Иногда незнание — это роскошь. Мы можем быть кем угодно. Говорить что угодно. И никто не осудит, потому что утром мы исчезнем.

— Вы боитесь привязанностей?

— Я боюсь разочарований.

Он посмотрел на неё долгим взглядом — тем самым, который она чувствовала кожей, даже не видя его в полутьме.

— Хорошо, — сказал он. — Никаких имён. Только эта ночь.

Они гуляли по ночному городу. Улицы были пусты, только редкие прохожие и свет фонарей, отражающийся в мокром асфальте. Он взял её за руку — просто, без вопроса, — и она не отняла. Его ладонь была тёплой и сухой, и от этого прикосновения по её телу разливалось спокойствие, которого она давно не чувствовала.

— Куда мы идём? — спросила она.

— Не знаю. Туда, где красиво.

— В этом городе везде красиво.

— Не везде. — Он свернул в переулок, и они оказались на маленькой площади с фонтаном, который не работал, и старой церковью, подсвеченной снизу. — Вот здесь.

Виолетта подняла голову. Церковь была старой — настолько, что камни казались живыми, дышащими, помнящими столетия. Она прислонилась к стене и закрыла глаза, чувствуя, как холодный камень касается её спины, как ветер играет с волосами, как вино медленно растекается по венам.

— О чём вы думаете? — спросил он, подходя ближе.

— О том, что впервые за долгое время мне не хочется думать. — Она открыла глаза. — Обычно я всегда думаю. Анализирую, планирую, просчитываю. Это... утомляет.

— Тогда просто не думайте. — Он встал рядом, плечом к плечу. — Сегодня можно.

Она повернула голову и посмотрела на него. В свете фонарей его лицо было видно чётче: высокие скулы, лёгкая щетина, тёмные глаза, которые смотрели на неё внимательно и спокойно, без того голодного блеска, к которому она привыкла. Этот человек не пытался её соблазнить. Он просто был здесь. И этого было достаточно.

— Поцелуйте меня, — сказала она.

Он не удивился. Не улыбнулся. Просто наклонился и коснулся её губ своими — медленно, почти невесомо. Это был не поцелуй страсти, а поцелуй узнавания, словно они знали друг друга давно и просто встретились снова после долгой разлуки. Виолетта закрыла глаза и позволила себе раствориться в этом ощущении: его тёплые губы, его дыхание на своей коже, его рука, которая легла ей на талию — не притягивая, а просто поддерживая.

Когда он отстранился, она открыла глаза и увидела, что он смотрит на неё так, словно пытается запомнить каждую черту её лица.

— Что? — спросила она.

— Ничего. Просто... запоминаю.

— Зачем?

— Чтобы потом, когда вы исчезнете, у меня осталось что-то, кроме сожаления.

Виолетта почувствовала, как что-то сжалось в груди. Она не ожидала, что этот незнакомец скажет что-то настолько... настоящее. Она привыкла к поверхностным связям, к разговорам ни о чём, к людям, которые боялись говорить о чувствах. А он говорил так, словно это было легко.

— Я не исчезну, — сказала она. — Я просто уеду. Это разные вещи.

— Для меня — нет.

Он снова поцеловал её, и на этот раз поцелуй был глубже, настойчивее. Его руки скользнули по её спине, прижимая ближе, и она почувствовала тепло его тела через тонкую ткань куртки. Она ответила — сначала осторожно, потом всё смелее, — и в этом поцелуе было всё, что она не могла сказать словами: желание, страх, надежда, отчаяние. Всё смешалось в одно, и она перестала различать, где заканчивается он и начинается она.

— Пойдём ко мне, — прошептала она, отстраняясь на мгновение.

— Вы уверены?

— Я впервые за много лет ни в чём не уверена. И это лучшее чувство на свете.

Её комната в отеле была маленькой, но уютной: мягкий свет торшера, смятые простыни, балконная дверь, открытая настежь, чтобы слышать море. Он вошёл и остановился, рассматривая пространство — так, словно пытался понять что-то о ней по тому, как она живёт.

— Что вы видите? — спросила Виолетта, закрывая дверь.

— Человека, который привык быть один. — Он обернулся. — И который устал от этого.

— Вы очень наблюдательный.

— Это часть моей работы.

— Мы договорились не говорить о работе.

— Простите. — Он улыбнулся. — Вылетело.

Виолетта подошла к нему вплотную. Она чувствовала запах его одеколона — что-то цитрусовое, свежее, — и тепло, которое исходило от него. Он был выше её на полголовы, и ей приходилось смотреть вверх, чтобы видеть его глаза.

— Скажите, — прошептала она, — вы всегда такой спокойный?

— Нет. Только когда рядом кто-то, кому я доверяю.

— Вы доверяете мне? Мы знакомы несколько часов.

— Время — это иллюзия. — Он провёл пальцами по её щеке — легко, почти невесомо. — Иногда достаточно одного взгляда. А иногда не хватает всей жизни.

Виолетта закрыла глаза. Его прикосновение было тёплым, и от него по коже расходились мурашки. Она не помнила, когда в последний раз кто-то касался её так — без спешки, без требовательности, просто чтобы почувствовать.

— Я хочу вас, — сказала она прямо.

— Я знаю. — Он наклонился и коснулся губами её виска. — Я тоже.

Он начал расстёгивать её блузку — медленно, пуговицу за пуговицей, словно давая ей время передумать. Виолетта стояла неподвижно, чувствуя, как прохладный воздух касается кожи, как его пальцы скользят по её плечам, снимая ткань. Когда блузка упала на пол, он отступил на шаг и посмотрел на неё — долгим, внимательным взглядом.

— Вы красивая, — сказал он просто.

— Вы тоже.

Он усмехнулся и стянул через голову свою футболку. Виолетта смотрела на его тело — жилистое, загорелое, с парой старых шрамов, — и чувствовала, как желание нарастает где-то внизу живота, медленно и неумолимо. Она шагнула вперёд и положила ладони ему на грудь, чувствуя под пальцами тепло кожи и ритм сердца — ровный, спокойный, уверенный.

— Вы не торопитесь, — заметила она.

— А зачем? — Он накрыл её руки своими. — У нас есть вся ночь.

Они опустились на кровать. Он целовал её медленно, исследуя каждый сантиметр её тела: шею, ключицы, грудь, живот. Виолетта выгибалась под его губами, чувствуя, как волны удовольствия прокатываются по телу, как дыхание становится прерывистым, как пальцы сами собой вцепляются в простыню. Его язык коснулся её соска, и она застонала — тихо, не сдерживаясь.

— Хорошо? — спросил он.

— Да. Не останавливайтесь.

Он не остановился. Его рука скользнула вниз, к поясу её джинсов, и она приподняла бедра, позволяя ему снять их. Когда она осталась обнажённой, он снова посмотрел на неё — так, словно она была чем-то драгоценным, — и Виолетта почувствовала, как краска приливает к щекам. Это было странно: она не стеснялась своего тела, но под его взглядом чувствовала себя... уязвимой. И это было не страшно, а освобождающе.

Он наклонился и поцеловал её внутреннюю сторону бедра — легко, дразняще, — и она вздрогнула. Его язык двинулся выше, к тому месту, где всё горело и пульсировало, и когда он коснулся её клитора, Виолетта вскрикнула, выгибаясь навстречу. Он двигался медленно, размеренно, словно изучал её тело, запоминал каждую реакцию. Она запустила пальцы в его волосы, прижимая ближе, и он застонал — вибрация прошла через её тело, усиливая удовольствие.

— Пожалуйста, — прошептала она. — Я хочу вас.

Он поднял голову. Его глаза были тёмными, почти чёрными.

— Вы уверены?

— Да.

Он поднялся и снял оставшуюся одежду. Виолетта смотрела на него — напряжённого, готового, — и чувствовала, как внутри снова разгорается желание. Она протянула руку и коснулась его члена — легко, кончиками пальцев, — и он вздрогнул, закрывая глаза.

— Вы уверены, что не хотите... — начала она.

— Нет. — Он открыл глаза и посмотрел на неё. — Сегодня я хочу только вас. Внутри.

Он вошёл в неё медленно, осторожно, и Виолетта почувствовала, как всё её тело сжимается вокруг него. Они двигались вместе — в одном ритме, — и с каждым толчком она чувствовала, как что-то внутри неё раскрывается, освобождается, отпускает. Его губы были на её губах, на шее, на груди, и она отвечала ему тем же — поцелуями, стонами, движениями, которые говорили больше, чем слова.

Когда оргазм накрыл её, она вскрикнула, вцепившись в его плечи, и почувствовала, как он напрягся следом, изливаясь в неё с глухим стоном. Они замерли так — соединённые, вспотевшие, тяжело дышащие, — и Виолетта вдруг поняла, что не хочет, чтобы этот момент заканчивался.

Они лежали рядом, глядя в потолок. Море шумело за окном, и ветер шевелил занавески.

— О чём вы думаете? — спросил он.

— О том, что завтра я уеду.

— Я знаю.

— И мы больше никогда не увидимся.

— Возможно.

Виолетта повернула голову и посмотрела на него. В полутьме его лицо было спокойным, без тени сожаления.

— Вам не грустно?

— Нет. — Он повернулся к ней. — Я получил то, что хотел. Эту ночь. Этот момент. Вас.

— Но утром всё исчезнет.

— Утро — это ещё не всё. — Он взял её руку и поднёс к губам. — У меня останутся воспоминания. И это больше, чем у многих.

Виолетта молчала. Она думала о том, что он прав. Что иногда одна ночь стоит больше, чем годы отношений. Что незнание имени не делает человека менее реальным. Что она запомнит этот город, этот пирс, этого мужчину — и, возможно, это воспоминание будет греть её долгие годы.

— Как вас зовут? — спросила она вдруг.

Он улыбнулся.

— Мы договорились не спрашивать.

— Я передумала.

— Тогда... — Он помолчал. — Александр.

— Александр. — Она повторила имя, словно пробуя его на вкус. — Красивое.

— А вас?

— Виолетта.

— Виолетта. — Он улыбнулся. — Оно вам идёт.

Они лежали молча, и Виолетта чувствовала, как сон медленно подкрадывается к ней. Она не хотела засыпать — не хотела терять ни минуты этой ночи, — но усталость была сильнее.

— Оставайтесь до утра, — прошептала она.

— Я никуда не уйду.

Она закрыла глаза и позволила себе провалиться в сон. Последнее, что она почувствовала, — его рука, обнимающая её, и губы, касающиеся её волос.

Утром она проснулась от того, что солнечный свет заливал комнату. Виолетта открыла глаза и повернулась — кровать рядом была пуста. Только смятая простыня и записка на подушке, написанная от руки:

«Спасибо за ночь. Я не забуду. А.»

Она взяла записку и долго смотрела на неё. Потом встала, подошла к окну и открыла балконную дверь. Море было спокойным, солнце ярким, город просыпался. Виолетта глубоко вдохнула солёный воздух и улыбнулась.

Она не знала, увидит ли его когда-нибудь снова. Но это было не важно. Важно было то, что эта ночь случилась. Что она позволила себе быть не журналисткой Виолеттой, не ответственным сотрудником, не женщиной с планами и правилами, а просто — собой. Женщиной, которая умеет чувствовать.

Она сложила записку и убрала её в карман куртки. Потом закрыла балкон, собрала вещи и вышла из номера. Через три часа у неё был самолёт.

Но перед тем как покинуть отель, она остановилась на секунду и обернулась. Город оставался за спиной — чужой, но уже не чужой. И где-то в его улочках, возможно, всё ещё брёл человек по имени Александр, который умел ценить момент и не боялся сожалеть.

Виолетта улыбнулась и шагнула вперёд. Утро было новым, и она была готова к нему.

Глава 3. Скарлетт. Игра без правил

Скарлетт вошла в ресторан ровно в семь, как и планировала. Она всегда приходила вовремя — это было частью её натуры, част

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.